

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

LITERARY STUDIES. RUSSIAN LITERATURE

Научная статья
УДК 821.161.1

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.4.487-498>

СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В ПОЭМЕ А. ПОЛЕЖАЕВА «УЗНИК»

А.Д. Сесорова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
miss.oblivate@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5650-4537>*

Аннотация. Современное литературоведение проявляет повышенное внимание к произведениям, в основе которых лежат документальные факты, соединяющие фактографичность изображаемого и элементы художественного вымысла. Свидетельством такого интереса являются непрекращающиеся и по сей день споры касательно жанрового и стилевого разнообразия художественно-документальной литературы. В статье используются биографический, историко-типологический, историко-функциональный и системный методы исследования. Основная задача статьи – выявить, как в поэме Александра Полежаева «Узник» преломляется документальное и художественное. В статье рассматриваются ключевые приемы, с помощью которых биографический материал, а именно заключение поэта, приобретает художественное осмысление. Поэма анализируется в том числе в контексте богоборческого романтизма, в рамках которого любое документальное свидетельство должно пройти несколько этапов художественного осмысления. Полежаев активно использует традиции жанра сатиры при создании образов поэмы, что усиливает богоборческие мотивы, а также прибегает к мотиву оборотничества. Еще одной из призм художественности становится поэтика элегии, проявляющаяся в мотиве унизительности. Заключительной формой воплощения художественности в поэме является проблема Красоты в мире. Однако герой оказывается неспособен выстроить гармонию красоты, что искажает его мироощущение, возвращая его к сатире. Опыт подобного анализа важен для дальнейшего изучения творчества Полежаева, а также проблемы документального и художественного в контексте классической русской литературы.

Ключевые слова: Полежаев; документальное; богоборческий романтизм; красота; смерть; свобода; унизительность.

Для цитирования: Сесорова А.Д. Синтез документального и художественного в поэме А. Полежаева «Узник». *Казанский лингвистический журнал*. 2021;4(4): 487–498. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.4.487-498>

**SYNTHESIS OF DOCUMENTAL AND ARTISTIC IN THE POEM
OF A. POLEZHAEV “PRISONER”****A.D. Sesorova***Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
miss.obliviate@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5650-4537>*

Abstract. Modern literary criticism is showing increased attention to works based on documentary facts that combine the factual nature of the depicted and elements of fiction. Evidence of this interest is the ongoing debate to this day regarding the genre and style diversity of fiction and non-fiction literature. The article uses biographical, historical-typological, historical-functional and systemic research methods. The main objective of the article is to reveal how documentary and fiction are refracted in Alexander Polezhaev's poem “The Prisoner”. The article discusses the key techniques by which the biographical material, namely the poet's imprisonment, acquires artistic comprehension. The poem is analyzed, among other things, in the context of theomachist romanticism, within which any documentary evidence must go through several stages of artistic comprehension. Polezhaev actively uses the traditions of the satire genre when creating images of the poem, which enhances theomachist motives, and also resorts to the werewolf motif. Another prism of artistry is the poetics of the elegy, which manifests itself in the motive of imprisonment. The final form of the embodiment of artistry in the poem is the problem of Beauty in the world. However, the hero turns out to be unable to build a harmony of beauty, which distorts his perception of the world, returning him to satire. The experience of such an analysis is important for the further study of both Polezhaev's work and the study of the problem of documentary and fiction in the context of classical Russian literature.

Keywords: Polezhaev; documentary; theomachist romanticism; beauty; death; freedom; confinement.

For citation: Sesorova A.D. Synthesis of Documental and Artistic in the Poem of A. Polezhaev “Prisoner”. *Kazan Linguistic Journal*. 2021;4(4): 487–498. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.4.487-498>

Два знаковых художественных начала, появившихся почти в одно время, в значительной степени предрешили поэтические успехи русской литературы XIX в. Одно из них устремилось к сближению с действительностью, вплоть до фотографичности изображаемого, другое избрало путь в далекий мир мечты, отрешение от реальности. Первое начало дало толчок развитию реализма поэзии Пушкина и родственных ему тенденций в творчестве Боратынского, Вяземского, Грибоедова. Второе породило романтизм Жуковского, Тютчева, Лермонтова.

Поэзия Александра Полежаева существенно дополнила имевшуюся картину. Его лирика в равной степени наполнена этими противоположными нача-

лами, выражение которых приняло в его творчестве самые резкие формы. «Сближение с действительностью вызвало в творчестве поэта сильную струю натурализма, а отлет воображения от конкретной жизненной реальности – романтизм, проникнутый богоборческими мотивами» [1, с. 5].

Парадоксальный и закономерный одновременно факт – большинство сложнейших бунтарских построений Полежаева в творчестве имеет, как правило, очень четкую локальную реалистическую основу и может быть документально подтверждено на материале биографии поэта.

Обратимся к контексту событий вокруг интересующей нас поэмы Александра Полежаева «Узник» (1828).

14 июня 1827 г. Полежаев, уже жестко наказанный за свой прежний образ жизни, находясь в состоянии депрессии, развитию которой способствовал чуждый поэту и жесткий казарменный режим, совершает немислимый поступок. Поэт самовольно покидает свой полк, остановившийся в деревне Низовка, и направляется в Вышний Волочек. В пути он начинает осознавать масштаб поступка и произвола. Заняв у попутчицы деньги, Полежаев нанимает извозчика и возвращается обратно в полк. За шестидневную отлучку он был объявлен дезертиром, представ перед военным судом. Во время следствия Полежаев признался, что пошел на этот шаг «в крайнем расстройстве духа», «по врожденному в нем свойству необдуманной пылкости» [1, с. 5]. Также поэт сообщил, что собирался доехать до Петербурга, чтобы «через начальника Главного штаба И.И. Дибича умолить императора об освобождении его от военной службы ввиду слабого здоровья» [1, с. 5].

Унтер-офицер Полежаев был разжалован в солдаты военным судом, лишен дворянского звания, которое приобрел после окончания университета. Приговор прошел утверждение у Николая I, царь собственноручно сделал пометку «без выслуги». И таким образом Полежаев, с его талантом и уровнем культурного развития, стал бесправным солдатом царской армии, по высочайшему повелению ему была уготована бессрочная кабала.

В мае 1828 г. Бутырский полк, в котором служил поэт, расположился в Москве. Полежаев поздно вернулся в казармы, за что получил выговор фельдфебеля. Он ответил непечатными словами и за оскорбление фельдфебеля был отправлен на гауптвахту, находившуюся при Спасских казармах.

В заключении Полежаев пишет несколько произведений, посвященных тюремной теме, среди которых и поэма «Узник».

В «Узнике» («Арестант») поэт описывает как раз эту тюрьму. «Она находилась во дворе Спасских казарм на Сухаревке, возле Странноприимного дома графа Шереметева. Казармы сохранились до настоящего времени, подвал под одноэтажной гауптвахтой, где была тюрьма, засыпан в начале нашего века» [2, с. 101].

Для раскрытия искомой проблемы нужна полнота представления материала, что возможно только при развернутом цитировании поэмы автора. Поэтому обратимся к тексту поэмы, где находим подробное описание мрачной тюрьмы и ее обитателей:

«В ней сырость вечная и тьма,
И проблеск солнечных лучей
Сквозь окна слабо светит в ней;
Растреснутый кирпичный свод
Едва-едва не упадет
И не обрушится на пол,
Который снизу, как Эол,
Тлетворным воздухом несет
И с самой вечности гниет...
В тюрьме жертв на пять или шесть
Ряд малых нар у печки есть,
И десять удалых голов,
[Властей] решительных врагов,
На малых нарах тех сидят,
И кандалы на них гремят...» [1, с. 179].

Поэма «Узник» включена в контекст тюремной поэзии XIX в., ставшей популярной после декабристского восстания, в которой романтический образ

узника-поэта и мотив узничества приобрели биографический, реальный характер.

Более того, в системе богоборческого романтизма любое свидетельство или факт сразу попадает в несколько фокусов рассмотрения, проходит через несколько призм художественности.

Одной из таких призм становится использование традиций жанра сатиры. Полежаевское описание гауптвахты накладывается на ироничное изображение грязной корчмы в «Чувствительном путешествии в Ревель» (1823) Н.М. Языкова:

«И мы вошли в сию корчму –
Она похожа на тюрьму...
...И вдоль стола того – скамья...
...Окно с замаранным стеклом,
Чтоб даже сумрачным лучом
Не освещалась корчма» [3, с. 95].

Поэт, находящийся в реальном заключении в тюрьме, расширяет хронологический топ изображения и создает собирательный образ Москвы – темницы абсурда – в сатирическом ключе:

«В столице русских городов
Мщей, монахов и попов,
На славном Вале Земляном
Стоит странноприимный дом.
И рядом с ним стоит другой,
Кругом обстроенный, большой –
И этот дом известен нам,
В Москве, под именем казарм;
В казармах этих тьма людей,
И ночью множество...
На нарах с воинами спят,
И веселятся, и шумят;
И на огромном том дворе,
Как будто в яме иль дыре,
Издавна выдолблено дно,
Иль гаубвахта, все равно...» [1, с. 79].

В более ранней поэме «Сашка» (1825), заметим, уже звучали обличительные высказывания в адрес духовенства, однако более смелые и непримиримые, нежели в «Узнике». Полежаев, ненавидевший военную службу и служивший, изображает казармы рассадником греха и проституции. Противопоставление двух образов – благочестивой, духовной Москвы с ее священнослужителями и казарм, полных грубых развлечений и плотских утех, – усиливает богоборческую линию поэмы. Документализм и вырастающий на его почве натурализм вступают в диалектическое противоречие с высокой духовностью, изначально проповедуемой русским философским романтизмом.

Также в зеркале «кривой» художественности, в сатирическом ключе обрисован образ Николая I. И снова точкой отсчета становится документальная поэтика, биографический контекст. Полежаев видел царя лично, когда тот в присутствии министра народного просвещения А.С. Шишкова и попечителя Московского учебного округа А.А. Писарева устроил суд над поэтом по доносу на него и воспитанников Московского университета, которые обвинялись в том, что «не уважают законов, не почитают своих родителей и не признают над собой никакой власти» [2, с. 25]. Николай заставил Полежаева прочесть собственную поэму, молодой автор по понятным причинам долго волновался и не мог приступить, и лишь окрик императора заставил его продолжить читать самые неудобные места. Поэт, по словам Герцена, заменял их другими стихами, но царь уличил его в обмане, этим поступком Александр Иванович позже объяснял свою неприязнь, более того – ненависть к нему. В заключение такой достаточно необычной «встречи втроем» император попросил Шишкова дать характеристику Полежаеву, к удивлению самодержца, она была положительной. Неожиданно царь объявил, что положительный отзыв «спас» Полежаева, которого, однако, необходимо наказать «для примера другим». «Хочешь в военную службу?

Полежаев молчал.

– Я тебе даю военной службой средство очиститься. Что же, хочешь?

– Я должен повиноваться, – отвечал Полежаев.

Государь подошел к нему, положил руку на плечо и, сказав:

– От тебя зависит твоя судьба; если я забуду, ты можешь мне *писать*, –
поцеловал его в лоб» [4, с. 166–167].

Данный эпизод также воссоздан в поэме «Узник». Поэт обличает жестокость царя, сравнивает его с известными в истории тиранами, а свое alter ego разворачивает до масштабов всего человечества, в чем еще один характерный прием богоборческого бунтарского романтизма:

«Поймешь ли ты, что ц<арский> долг
Есть не душить, как лютый волк,
По алчной прихоти своей
Мильоны страждущих людей...
Но что?.. К чему напрасный гнев,
Он не сомкнет Молохов зев:
Бессилен звук в моих устах,
Как меч в заржавленных ножнах... <...>
Вторый Нерон, Искарриот,
Удав Бразильский и Немврод
Его враждой своей почтил
И, лобызая, удушил!» [1, с. 86–87].

Сравнивая Николая I с Иудой Искарриотом, Полежаев вводит мотив предательского «поцелуя/лобзания», который в восприятии поэта связан с удушением, со смертью. Таким образом, императорский поцелуй и благословление на искупительную военную службу художественно осмысляются Полежаевым как путь, ведущий к смерти.

При создании многих образов в поэме Александр Иванович прибегает и к поэтике оборотничества. Так, изображая императора, поэт использует «прием обрисовки персонажей, обусловленный пониманием человека как совокупности одномерных лиц» [1, с. 31]. Полежаев видел царя лично, на расстоянии нескольких шагов, и для достоверности портрета мог воспользоваться своими воспоминаниями. Однако созданный им образ императора – это некий гибрид, сотканный из людских имен, ставших нарицательными: «Второй Нерон, Искарриот, Удав бразильский и Немврод» [1, с. 87]. Николай, как

древний мифологический оборотень, многолик, коварен и несет миру смерть и проклятие.

Еще одной из призм художественно-философского начала в поэме Полежаева становится поэтика элегии. Явно она проявляется в мотиве узничества. Заложник внешних обстоятельств и горькой судьбы, герой до такой степени погружается в себя, что теряет чувство реальности и становится заключенным внутренней тюрьмы. В итоге Александр Иванович с помощью гиперболизации и утрирования изображает узника целой вселенной, потому что даже она выступает тюрьмой, за которой надзирает Бог:

«Твердить преданья старины,
Что мы в делах своих вольны,
Есть перекорствовать уму,
И, значит, впасть в иную тьму...
Его предведение могло
Моей свободы видеть зло –
Он должен был из тьмы веков
Воззвать атом мой для оков.
Одно из двух: иль он желал,
Чтобы невинно я страдал,
Или слепой, свирепый рок
В пучину бед меня завлек?..
Когда он видел, то хотел,
Когда хотел, то повелел,
Все чрез него и от него,
А заключенье из того:
Когда я волен – он тиран,
Когда я кукла – он болван» [1, с. 88–89].

Богоборческие идеи, развитые в шестой главе «Узника», все же хранят отпечаток религиозного мировосприятия. «Мысль о том, что “система звезд, прыжок сверчка, Движенья моря и смычка” – созданы “творческой руки”, то есть что бог – создатель природы, отнюдь не оспаривается в этом произведении» [1, с. 32]. В поэме присутствует множество образов христианской мифологии (бог, сатана, духи, ангелы), что вряд ли исчерпывается лишь художественно-

стью. Полежаев действительно чувствовал, что он пленник жестокой судьбы, неких высших сил, которые свободно распоряжаются его жизнью. Священные тексты, отсылки на которые «распылены» по «Узнику», предстают как завуалированный, подготовленный к оспариванию документ.

Итоговой формой воплощения художественности для Полежаева становится эстетизм, проблема Красоты в мире. Она раскрывается через образ друга, которому и посвящена поэма. И вновь – документальные свидетельства. Узничество Полежаева скрашивает дружба с мелким чиновником Александром Лозовским, начавшаяся во время заключения поэта. Лозовский ободрял Александра Ивановича, побуждая его писать, оказывал ему по возможности небольшие услуги, стараясь облегчить участь поэта.

Через красоту герой предпринимает попытку преодолеть превратности своей судьбы, полной несчастий и бед:

«Ты мне чужой – не с давних лет
Знаком душе твоей поэт!
Не симпатия двух сердец
Святого дружества венец
В счастливой жизни нам вила
И друг для друга родила.
Быть может, раз сойтись с тобой
Мне предназначено судьбой –
И мы сошлись... Ты – в красоте
Цветущих дней, я – в наготе
Позорных уз...» [1, с. 76].

Однако герой не может возвыситься над своим роком, не может выстроить «линию красоты» в жизни, вследствие чего рождается искаженное мироощущение и даже по отношению к другу применяется сатирический сарказм:

«Я любил тебя... Твой взор
Не есть несчастному укор.
Твой голос, звук твоих речей
Мне мил, как сладостный ручей...
Так соловей в ночной тиши
Поет для горестной души,

Так Абадонне Уриил

Во тьме геенны говорил...

Глаза печальные мои

Слезу приязни и любви

В твоих заметили очах...

Ты любишь сам меня – но ах!

Твое участие ко мне,

Как легкий пепел на огне,

На миг возникнет, оживет –

И вместе с ветром пропадет.

Я не виню тебя!.. Жесток

Ко мне не ты, а злобный рок,

И ты простишь в пылу страстей

Обидной вольности моей...

Я снова узник и солдат!

Вот тайный дар моих стихов...

Проникни в силу этих слов...

Прочти, коль вздумаешь, спиши

И не забудь меня в глуши...

Когда ж забудешь – Бог с тобой,

Но знай, что я навеки твой...» [1, с. 77–78].

Как видим, рассмотрение известной поэмы русского богоборческого романтизма через синтез документального и художественного начал позволяет многое прояснить во взглядах писателя на мир, объяснить специфику его отношения к жизни. Мы выявили основные модификации соотношения художественного и документального в поэме. Одной из них стало использование традиций жанра сатиры, именно в сатирическом ключе даны описания гауптвахты, на которую был посажен сам Полежаев, Москвы того времени, испорченного московского духовенства. Помимо этого, образ императора Николая I также создан с помощью данного приема и мотива оборотничества, он изображен как жестокий тиран, благословляющий героя и самого Александра Ивановича на долгую и мучительную службу, ведущую к смерти. Также важной модификацией соотношения художественного и документального в поэме становится поэтика элегии, проявляющаяся в мотиве узничества. Герой поэмы ощущает себя

не просто заключенным тюрьмы, а пленником целой вселенной. В качестве итоговой формы воплощения художественного мы рассмотрели проблему Красоты в мире Полежаева. Герой пытается через эстетизм, через красоту преодолеть жестокий рок, однако даже красота не способна спасти героя, в его видении она искажается и ведет к сарказму.

Своеобразной генеральной репетицией к поэме «Узник» была уже упомянутая нами автобиографическая поэма Полежаева «Сашка», породившая впоследствии множество подражаний в русской литературе XIX в.

Литература

1. Полежаев А.И. *Стихотворения и поэмы*. Ленинград: Сов. писатель; 1987.
2. Муравьев В.Б. *Московские улицы. Секреты переименований*. М.: Алгоритм; 2020.
3. Языков Н.М. *Стихотворения*. М.: Текст; 2001.
4. Герцен А.И. *Собрание сочинений: в 30 т.* т. 8: Былое и думы. 1852–1856. М.: Изд-во Акад. наук СССР; 1954–1966.
5. Воронин И.Д. *А.И. Полежаев: Жизнь и творчество*. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1954.
6. Николаева Е.Г. «Суд» Н.А. Некрасова и послание «А.П. Лозовскому» А.И. Полежаева («Группа узников»). *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2014;5(61): 244–250.
7. Васильев Н.Л. Поэзия А. И. Полежаева в контексте русской литературы. URL: <http://cheloveknauka.com/poeziya-a-i-polezhaeva-v-kontekste-russkoy-literatury> [дата обращения: 22.10.2021].

References

1. Polezhaev A.I. *Poesy and poems*. Leningrad: Sov. Pisatel'; 1987. (In Russ.)
2. Muravyev V.B. *Moscow streets. Secrets of renaming*. Moscow: Algoritm; 2020. (In Russ.)
3. Yazykov N.M. *Poems*. Moscow: Tekst; 2001. (In Russ.)
4. Gertsen A.I. *Collected works: in 30 volumes*. vol. 8: Past and thoughts. 1852-1856. Moscow: AN SSSR; 1954-1966. (In Russ.)
5. Voronin I.D. *A.I. Polezhaev: Life and Work*. Saransk: Mordov. kn. izd-vo; 1954. (In Russ.)

6. Nikolaeva E.G. “Court” N.A. Nekrasov and the message “A.P. Lozovsky” A.I. Polezhaev (“The Group of Prisoners”). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* 2014;5(61): 244–250. (In Russ.)

7. Vasil'ev N.L. Poetry of A.I. Polezhaev in the context of Russian literature. Available from: <http://cheloveknauka.com/poeziya-a-i-polezhaeva-v-kontekste-russkoy-literatury> [accessed 22.10.2021]. (In Russ.)

Автор публикации

*Сесорова Анастасия Дмитриевна – аспирант
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
E-mail: miss.obliviate@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5650-4537>*

**Раскрытие информации
о конфликте интересов**

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

*Поступила в редакцию: 15.10.2021
Одобрена после рецензирования: 9.11.2021
Принята к публикации: 12.11.2021*

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

*Sesorova Anastasiya Dmitrievna – Postgraduate student
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: miss.obliviate@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5650-4537>*

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

*Submitted: 15.10.2021
Approved after peer reviewing: 9.11.2021
Accepted for publication: 12.11.2021*

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.